

Евгений ГАЛУШКИН,
г. Казань

Я, как ты, не жалуясь, не плачу,
Жизнь не сахар, есть кому трудней.
Не напрасно жизнь моя потрачена,
Есть в ней радость невозвратных дней.
Я бежал по жизни спотыкаясь,
Не всегда использовал момент,
Сам себе я в жизни гадил, каюсь,
Превратив ее в эксперимент.
Часто не был я примером сыну,
Служба, долг и верность не причем.
Может где-то, принципы откинув,
Мог подставить я свое плечо.
Вспоминаю летние покосы,
С комарами битвы едкий дым
И репей девчонкам в змеи-косы.
Жаль, не быть мне больше молодым.
Жизнь теперь,
как те зарницы-грозы,
Что нас в детстве напугать могли,
Вдалеке, в них не было угрозы:
Чудный свет от неба до земли.
А деревьям рвали плоть морозы,
С треском рвали, сколь же надо сил?!
Веточки багульника, как розы,
Я на праздник девочке вручил.

стр.1

Не терзай ты, память,
мою душу,
Все в ней сложно
так переплелось.
Жизнь идет.
Нытье мое не слушай,
Чтоб жалеть мне
завтра не пришлось.

Когда солнце
за сосны садится,
Вспоминаю сестер я своих.
Разновозрастные девицы
Делят радость
и грусть на двоих.
Родились они в разное время,
Что постарше в суровом году,
Став для матери
тягостным бременем,

То война породила беду.
Несчастливое детство сестренок:
Она даже не помнит отца,
Хоть и трогал он рученьки тонкие,
И стучали их рядом сердца.
Первой встреча была и последней.
Он не знал, что уйдет навсегда.
С Красноярска на край, на передний
Увозили отцов поезда.
Да, росла она в годы тяжелые,
Но без слез, и умела мечтать.
А постигло опять горе новое,
Заменяла сестренке мать.
Дорогие мои сестренки,
На земле еще много зла,
От него не уйти сторонкой,
Чтобы хата с краю была.
Вы идите по жизни рядом,
Как туристы умеют шагать.
Только младшую нежить не надо:
Пусть умеет канат держать!

В нашем лицее последний звонок.
Девочки в форме пятидесятых.
Вроде бы, праздник похож на урок.
Слезы на лицах и нет виноватых.
Вспомнилась юность и школа моя,
Та, что окончил в 65-ом.

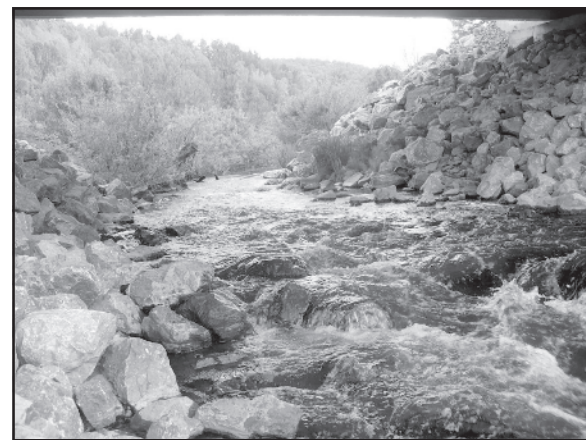
Школа в поселке - большая семья.
Выпуск был первый,
не очень богатый.
Лет два десятка минуло с войны,
С пафосом праздник не отмечали.
День был обычным, не выходным.
Мы дети тех, что в войне побывали.
Нет, я не помню последний звонок,
Все, как всегда, было традиционно.
Память обычная стерла все то,
Все, что привычно, и незачем помнить.
Помню поход на завод с малышкой,
Мы территорию там убрали,
Чтоб заработать на своей выпускной.
Спонсоров в оттепель мы не видали.
Помню, как пел,
как прошел выпускной,
Как вместе с классным
ходили купаться,
Как пред разлукою наш выпускной
Мы отмечали в палатке солдатской.
Не было с нами ни пап и ни мам,
Мы были взрослыми, нам доверяли.
Честь и достоинство нам, пацанам,
Все десять лет день за днем
прививали.
Нет, свой не помню последний звонок,
Да и друзья мои помнят едва ли.
Школа дала на всю жизнь мне урок,
Я ей безмерно за то благодарен.

Удивительной разумности дитя:
Замолчит, когда погладишь брюшко,
Что не так, брык на пол, и кричать.
Хитрая, кричит, а уши слышат,
Торговаться начинает на полу,
Жалобно повсхлипывая дышит,
Страсти-муки превратив в золу.
Все, согласна, торг ее устроил,
Вместо слез лишь просьба пожалеть.
Ради внуков только, верьте, стоит
К жизни интерес большой иметь.

Валера, внучка старшая,
Чтобы взрослей казаться,
Решила с Катюшкой, младшею,
Учебою заняться.
За шкафом класс устроила,
Все так, как должно быть.
Сестренке не позволила
В класс куклу захватить.
Учеба - вам не шуточки,
Вот ручка, вот тетрадь.
Сестра рисует уточку,
А цифр не видеть.
Какой-то непослушный ей
Достался ученик.
Сестра двойка заслуженный
Поставила в дневник.

КОСАЧИНЫЙ ТОК

стр.2 Мне Гена предложил тетерева,
Ну, не стрелять,

хотя б взглянуть на ток.
В тайге к охоте
ранняя любовь,
Я встречу с птицей
пропустить не мог.
Уроки мне никто
не отменял.
В субботу вечером
на встречу мне идти.
Я буду ждать тебя
в избушке, - зять сказал,
- Ты знаешь где,
часок тайгой пути.
Не знаю где-то,
кто-то и когда

Назвал охоту бытием
в неволе.
Я это знал в столь юные года,
Еще учась в обыкновенной школе.
Кто хоть однажды
видел зимний лес,
В него вернется, сколь это ни стоит.
Вся прелесть берендеевских чудес
Смягчит невзгоды, душу успокоит.
В тот вечер было мне не до чудес,
В ночном лесу пугающие звуки.
А я на встречу несся через лес
И верил в свои ноги, в свои руки.
Прошел сворот на Винишные гари,
Пыльчиха о медведях дала знать,
И сумерки намного гуще стали,
Скорее ночью можно их назвать.
Пошла дорога в гору, шаг короче,
Откуда-то сквозь шорох лыж моих
Вплеталась музыка
в другие звуки ночи,
И сил прибавилось,
как чудо сотворив.
Огонь мерцающий
из сумрака возник
Внезапно так,
с ним силуэт избушки.
Столь радости приносит
лишь родник,
Что в знойный день
удастся вдруг послушать.

Сейчас же спать:
нас ранний ждет подъем.
Но вот беда, избушка, сено..., мысли
Напали разом, отогнали сон.
А рядом зять похрапывая стонет,
Как знать, чем так он мучился во сне,
А может зверя раненого гонит?
Сейчас же не мешает думать мне.
А мысли путались,
видать тепло сморило,
И я к морфею отдохнуть ушел.
Мне снилось,
что медведь со страшной силой
Пшеницу жженую стирает в порошок.
Открыв глаза, увидел рядом Гену,
Он чай смородиной заваривал,
как в старь.
Пора вставать,
сварил он чай отменно.
Шуршал он листьями, а хруст?
Ломал сухарь.
Слегка позавтракав,
лишь взяв с собой припасы,
Мы поспешили, сколь еще шагать.
Должны по времени мы
сесть в скрадки с запасом,
Косач не будет на току нас ждать.
Как лес раскрасил
мартовский рассвет,
Алмазами кругом поля посыпал.

стр.3

В лучах рассвета голубеет снег,
В оврагах белый,
знать, недавно выпал.
Шуршанье лыж летит за горизонт
И возвращается каким-то разговором,
Как будто кто-то где-то речь ведет.
Всему виною дивные просторы.
Отдельно каждому
зять смастерил скрадок,
Разведка в нашем деле - суть успеха.
Ведь без скрадка
в сугроб бы, как в песок.
Зарыться должен. Тут уж не до смеха.
Мне зять сказал, что первого нельзя,
Стрелять нельзя, он вроде тамады,
Нельзя спугнуть, чтоб не пропали зря
Приложенные ранее труды.
А солнце светит уж неумолимо,
В душе сомнения закрались,
только вдруг
Мне показалась тень от исполина,
И птица черная упала сверху в круг.
Как он красив и даже величавей,
А лиру носит, как победный флаг.
И видно по всему боец отчаянный,
И пятна красные
вверх-вниз под каждый шаг.
Чу-фышш, чу-фышш,

вдруг крик раздался резкий,
Кому-то птица подала сигнал,
Быть может, это свадебная песня,
Или соперника на бой он вызывал?
Я сразу позабыл про все на свете,
Что есть ружье, и птица пляшет рядом.
Какие там охотничьи советы,
Картины дивные,
не оторвать мне взгляда.
Опять хлопок. Упал на снег противник.
Потом еще, еще, разросся ток.
Мельканье лир
и блеск вороньих перьев...
От всей картины испытал я шок.
Чуть слышный свист, по краю токовища
Бежала курочка, невзрачная на вид.
Она здесь неспроста,
она партнера ищет
И уведет сильнейшего,
не глядя на прикид.
В своем скрадке, боясь пошевелиться,
Смотрел бой птиц слегка разинув рот.
Прекрасны птицы,
как в них не влюбиться!
Тот ток до сих пор
в памяти живет.
Очнулся я, когда исчезли птицы.
Что не стрелял? -

с усмешкой зять спросил
На свет затем
мне стоило родиться,
Чтоб бог таким концертом
наградил.
Ты не грусти,
ты не плохой охотник,
Я в первый раз
полдня не говорил,
- сказал мне зять,
в надежде успокоить.
Мне для ответа не было уж сил.
Нас часто память
в юность возвращает,
Осмыслить случай,
трезво оценить
Свои поступки.
Память заряжает
На мысли добрые,
что надо жизнь любить.

стр.4